

Порой эти звуки все же проникают в жизнь поэта, что отражается в его стихах покаянной темой: “А я доверился предательскому звуку – Как будто вне любви есть в мире что-нибудь!”.

Когда же Фет говорит о творчестве, то звук противопоставляется рациональности слова (это отмечали исследователи): “Что не выскажешь словами, *Звуком* на душу навеи...”; “...не знаю сам, что буду Петь, – но только песня зреет” – важно звучание песни, не ее тема, не ее слова, она зреет в душе помимо слов – всей переполненностью чувства и звука.

Постоянная фетовская мысль о неместимости чувства в слова – это не просто о том, что жизнь богаче слов. Здесь проявляется глубинное желание невозможного – у человека нет возможности душой непосредственно почувствовать душу другого без внешнего посредства – без слов: “О если б без слова Сказаться душой было можно!”. Идеальное внесловесное взаимопонимание душ реально в высшем мире, с его особым звуковым ладом, и недостижимо на земле. Но для поэта и эти земные пределы не кажутся абсолютно замкнутыми: они теряют свою безусловность благодаря предельной чуткости души к звуку, поэт знает по опыту возможность воспринять душой отзвук слова:

Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, *звуком* непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.

Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг...

Стихи бессильны передать всю глубину чувства, как бы ни хотелось этого поэту, преднамеренно порыв души в стихи не вложить. Их звук непокорен, в нем душа живет, как и в тех местах, где побывала она – героиня стихотворения, а отзвук ее души “по чувству” в любом месте “угадает” поэт. И потому он верит, что сердцем и чувством можно постичь и не вполне выраженный в слове звук, но вложенный в него душой.

Порой поэт употребляет образ вполне привычный: поэзия есть звуки лиры – в том же контексте, что и Пушкин: “Мы рождены для вдохновения, Для звуков сладких...”. Однако смысловая наполненность слова “звук” у Фета гораздо интенсивнее и многограннее.

В отличие от Пушкина, в образности Фета и, соответственно, в его восприятии поэзии противопоставление звука и смысла глубокое. В его поэзии звуки и молитвы не соединяются в одно столь органично, как у Пушкина, хотя звук может сквозить молитвой, несет в себе горную струю. Но недоверие к слову, смыслу, замыслу отражает некую глубинную черту духовной личности Фета, здесь намек и для понимания особен-